

К ВОПРОСУ О ДИАЛОГИЗМЕ ПРОЗЫ И. С. ТУРГЕНЕВА: НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКОВОГО РАССКАЗА «ЕРМОЛАЙ И МЕЛЬНИЧИХА» (1847)

Е. А. Толчеева

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2025 г.

Аннотация: в данной статье представлен анализ очеркового рассказа И. С. Тургенева «Ермолай и мельничиха» (входящего в цикл «Записки охотника»), с точки зрения его субъективной организации. Данный подход позволит внести некоторые уточнения в полемику о диалогизме (полифонизме)/монологизме прозы писателя. Спор этот ведется на протяжении нескольких последних десятилетий и касается разных аспектов: сравнительного (с творчеством Ф. М. Достоевского), оценочного (насколько мастерски И. С. Тургенев владел приемами психологизма при создании того или иного характера), структурного — какова природа повествовательной манеры писателя (взаимодействие экзегетических и диегетических нарраторов, роль сказа, смена итерации сингулятивной риторикой), раскрывающей идеологическую направленность позиции «концептированного» автора.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, нарратор, анализ, «фразеологическая точка зрения», ономастика.

Abstract: this article presents an analysis of the essay by I. S. Turgenev, "Yermolai and the Miller's Wife" (included in the cycle "Notes of a Hunter") from the point of view of its subjective organization. This approach will make it possible to make some clarifications to the polemics about dialogism (polyphonism)/monologism of the writer's prose. This dispute has been conducted over the past few decades and concerns various aspects: comparative (with the work of F. M. Dostoevsky), evaluative (how skillfully I. S. Turgenev owned the techniques of psychologism in creating this or that character), structural — what is the nature of the writer's narrative manner (the interaction of exegetical and diegetic narrators, the role of the tale, the change of iteration by singulative rhetoric), revealing the ideological orientation of the position "conceptualized" author.

Keywords: I. S. Turgenev, narrator, analepsis, "phraseological point of view", onomastics.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы рассмотреть субъектную сферу произведения И. С. Тургенева «Ермолай и мельничиха» (входящего в цикл очерков «Записки охотника»), что позволит внести некоторые разъяснения в до сих пор длящуюся полемику по поводу диалогизма-монологизма тургеневской прозы.

Указанная тема тургеневского нарратива начала активно рассматриваться с момента выхода в свет работы М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», где выдающийся ученый обосновал присутствие *диалогизма* (и шире — полифонизма) в произведениях Ф. М. Достоевского и *монологизма* в прозе И. С. Тургенева, которому «свойственна устная речь, а не чужое слово» [1, 223]. Для подтверждения своего вывода М. М. Бахтин заметил также, что «преломлять свои мысли в чужом слове Тургенев не любил и не умел. Двуголосое слово ему плохо удавалось» [1, 223], при этом литературная речь героев (одного круга с автором, то есть дворян) в романах лишь «оживлялась» устным словом (видимо, можно полагать, что и редкими вкраплениями сказа).

За И. С. Тургенева «заступился» А. В. Чичерин, утверждавший, что тургеневское повествование «диа-

логично», слово романских персонажей-нарраторов представляет собой множественность точек зрения, и речи героев «расщеплены» [12, 40]. А. Я. Эсалнек отметила, что тургеневский монологизм отрицать нельзя, но он означает «завершенность развития характера» [14, 59]; таким образом, это не недостаток, а отличительная черта идиостиля, указывающая на особый вид психологического анализа, безусловно, принципиально отличающегося от поэтики Ф. М. Достоевского.

В исследованиях (Г. Б. Курляндской, В. М. Головки) структуры субъектных сфер произведений двух авторов утверждается следующее: в сравнении с романами Ф. М. Достоевского тургеневские рассказы, очерки, романы все же монологичны («монофоничны»), а повестям присуща лишь «внутренняя диалогичность»; при этом тургеневская проза демонстрирует «экзистенциальный интерес писателя к диалогу», так как в ней «проявляется интерес автора к проблеме Другого» [5, 33].

Такой выдающийся исследователь творчества И. С. Тургенева, как Ю. В. Манн, конечно, не мог не присоединиться к рассмотрению особенностей нарратива в произведениях писателя, и в работе «Тургенев и другие» справедливо предлагается бахтинскую теорию *проверять* в художественном тек-

сте «на конкретных соотношениях автора и его персонажей» [7, 395].

Следуя рекомендации Ю. В. Манна, мы попытаемся рассмотреть указанные им *соотношения* «концептированного» автора (автора как носителя определенной концепции, точки зрения) и героев (противников и единомышленников) на материале «Ермолая и мельничихи»: как *слово* каждого из нарраторов коррелирует с позицией автора (с его идеологическими взглядами), к каким выводам должен прийти читатель в качестве реципиента текста? При этом, разумеется, имеется в виду «концептированный» читатель, способный проникать в глубинные пласты сюжетно-композиционной системы произведения.

Очерк начинается *словом* нарратора (назовем его Первым), сообщающего, что он и охотник Ермолай «отправились на “тягу”» [11, 19]. «Ермолай и мельничиха» в жанровом отношении представляет собой очерк с элементами рассказа, то есть произведение, синтезирующее структурные элементы рассказа (создается «на основе творческого воображения» [5, 318]) и очерка (произведение документально-публицистическое, «описательное» [5, 318]). Достаточно большая доля повествования является дескриптивной (описательной, статичной, то есть очерковой), но содержащей яркие детали, которые сопровождаются эпитетами («алый свет вечерней зари», «воздух чист и прозрачен»), метафорами (трава «блестит веселым блеском изумруда»), погружают читателя в мир природы. *Слово* в данных фрагментах текста, как уже было отмечено, принадлежит Первому нарратору, он является диегетическим, то есть «имеет собственное имя» и относится непосредственно к «миру текста» [9, 203]. Пространственно-временная близость к описываемым картинам природы, персонажам обусловлена и «публицистической» позицией этого носителя речи («костомаровский» барин), общающегося с читателем как с современником, добрым знакомым, единомышленником (например, охотником): «Слушайте же, господа»; «Сердце ваше томится ожиданием...»; «Вообразите себе человека лет сорока пяти...» [11, 19; 20].

Сорокапятiletний высокий человек — это сам охотник Ермолай, и он также поначалу описан в очерковой манере, а именно: статично, как определенный и, при всей уникальности относительно охоты и рыбалки, нередко встречающийся *тип* русского крепостного крестьянина («Ермолай был человек престранного рода: беззаботен, как птица, довольно говорлив, рассеян и неловок с виду; сильно любил выпить...» [11, 21]). Ермолай также выступает как нарратор диегетический (Второй), так как является действующим лицом, участником происходящего, и ему иногда предоставляется слово: он сообщает о состоянии здоровья бывшей горничной,

а ныне — мельничихи Арины, о ее возлюбленном, «лакее Петрушке» (воспоминание о грибоедовском буфетчике «Петруше»), поступившем в солдаты, бедует с женой мельника и с костомаровским помещиком, которого сопровождает на охоте. Не будем забывать, что очерковый рассказ называется «Ермолай и мельничиха», это заостряет внимание читателя именно на отношениях указанных персонажей (уже по законам новеллистического жанра).

Третьим нарратором (также диегетическим, именем имя, злую жену, глупого барчонка-сына, определенное занятие: «Он занимал довольно важное место, слыл человеком знающим и дельным») является «г-н Зверков», грубо вмешавшийся в отношения своих дворовых («неблагодарных» людей!), не позволив влюбленным создать семью. Гневному монологу этого сатирически изображенного, жестокого и ограниченного персонажа отведена почти четверть объема произведения (три страницы из двенадцати), потому что он сыграл ключевую роль в судьбе героев, своих крепостных — Арины и Петра.

Уже само присутствие в тексте трех диегетических нарраторов, совершенно разных (например, идеологические позиции Первого и Третьего абсолютно противоположны, а Ермолай, Второй нарратор, очень лапидарно, но вполне ясно выражает свое «особое» мнение), активно участвующих в описанных событиях, говорит в пользу того, что И. С. Тургенев осознанно стремится создать «диалогические» отношения между своими персонажами и «концептированным» автором. Первый нарратор (художественный образ, наделенный чертами «автора биографического» [4, 9]) не сразу открывает читателю свои «мировоззрение, идейную позицию», указывающие на «творческую концепцию писателя» [4, 10], и повествованию поначалу свойственна далекая от оценочности *итеративная* риторика (когда охватывается «несколько случаев одного и того же события», что Ж. Женетт обозначил формулой $nП/1И$, то есть множество раз произошло, но изложено за один раз), свойственная быто- и нравоописательному очерку (черты которого явно присутствуют в «Ермолае и мельничихе»).

Далее, когда охотнику Ермолаю предоставляется слово, *сказовое*, передающее особенности нелитературной речи человека из демократических низов, на первый план выходит *сингулятивное* повествование; по учению Ж. Женетта, это наиболее типичная для художественной литературы нарративная форма, представляющая события эксклюзивные, ненормированные и неповторяющиеся, исследователь предлагает формулу $1П/1И$ — однажды случилось и за один раз рассказано. «Книжный» стиль, как известно, уступает место сказу «в периоды обнаженных социальных конфликтов, которые современниками воспринимаются как решительная ломка всей прошлой жизни (таковы пореформен-

ная эпоха и эпоха революций» [8, 7]. Рассмотрение «фразеологической точки зрения» (в терминологии Б. О. Кормана) подтверждает нерасположение Ермолая к недоброжелательному и, видимо, жадному мужу Арины («Вишь, толстый брюхач...»), явную симпатию и сочувствие прекрасной и несчастной мельничихе («А что, Арина Тимофеевна, чай, все хворает?»), покровительно-ироничное отношение к «костомаровскому» барину, Первому нарратору («А пусть дрыхнет, — равнодушно заметил мой верный слуга, — набегался, так и спит»). Маркированное красноречивыми просторечиями «чужое слово» позволяет писателю показать мнение «другого», которое одновременно может отражать и *общее* мнение, но в данном случае принадлежащее не «дворянскому», а «крестьянскому» миру.

Третий нарратор, г-н Зверков (обладатель «говорящей» фамилии), изображен сатирически, этот явно несимпатичный писателю персонаж представляет консервативную часть русского общества, воспринимающую крепостных крестьян как собственность помещиков, не предполагающих в них достоинства: «Что ни говорите... сердца, чувства — в этих людях не ищите. Как волка ни корми, он все в лес смотрит...» [11, 28]. «Преступление» *неблагодарной* горничной Арины состояло, на взгляд ее хозяев, в том, что она *осмелилась* влюбиться и *захотела* выйти замуж за «Петрушку-лакея»; данное обстоятельство привело чету Зверковых в негодование, вызвало чувство крайнего возмущения, недовольства. Писатель использует анахронию (аналепсис), ретроспективно передавая историю «безнравственной» и «неблагодарной» горничной с точки зрения владельца «живых душ», Зверкова. «Вспоминая» встречу с этим «моралистом» в Петербурге, «костомаровский барин» предоставил возможность читателю самому сделать вывод о жестокости, ограниченности помещика (*продавшего* горничную мельнику) на основании его же рассказа; таким образом, заключение не сделано Первым нарратором, а лишь «навешано» им, и это показывает высокую степень мастерства молодого Тургенева-художника.

Тургеневское «многоголосое» (включающее сказовое) слово создавалось в 1840-е годы, отмеченные революционными событиями в Западной Европе и продолжением активного противостояния прогрессивной части русского общества крепостному праву, поэтому «смена диегетических нарраторов, дополняющих мнения друг друга, предлагающих различные, даже противоположные оценки произошедшего», дает возможность читателю не только вспомнить об исторических событиях, социальных проблемах, но и «оценить ментальные процессы в сознании героев» [13, 69—70] своего времени.

В рассматриваемом произведении изменения происходят именно в сознании «костомаровского» барина, так как в «Ермолае и мельничихе», как было

отмечено выше, присутствуют и элементы жанра рассказа, предполагающие изображение душевного «перелома», создающие «ощущение полноты, завершенности, исчерпанности воспроизводимого бытия» [10, 50], что не свойственно статичному очерку. От Зверкова позитивных перемен ожидать, конечно, не приходится, Арина пережила уже свой *перелом* (трагедии разрушенной любви и смерти ребенка), сам же якобы «статичный» Ермолай-бродяга *изменился* именно в восприятии Первого нарратора. Теперь (после услышанной «баринской» беседы охотника и Арины) это уже не странный и беспутный Ермолак, над которым «последний дворовый человек чувствовал свое превосходство», ведь мельничиха называет его Ермолаем Петровичем, говорит ему «вы», выносит в знак уважения «графинчик» с вином. Да и «Петрушка-лакей» (так его называет Зверков) преобразуется и становится Петром Васильевичем (в реплике Ермолая), который «поступил в солдаты» (читателю предоставляется возможность представить себе все тяготы его службы). Как видно, И. С. Тургенев выражает свое отношение к изуродованным социумом судьбам людей (Арины и Петра) не прямой оценкой Первого нарратора, а суггестивно, без критического анализа формируя у читателя новые представления о народном характере, крестьянском мире, и происходит это благодаря «чужому слову», в частности с использованием антропонимов — имена героев меняются от уничижительных прозвищ к идентифицирующим уважаемого человека.

Как видно, И. С. Тургенев соединил мнения трех диегетических нарраторов, при этом нельзя сказать, что писатель «избирал рассказчика из своего социального круга» [1, 223], что отметил М. М. Бахтин. Напротив, сделать удивительные открытия, изменившие мировоззрение Первого нарратора, помогает не раздражающий своей напыщенностью и поражающий глупостью помещик Зверков, а охотник Ермолай. Можно сделать вывод, что, рассказывая о русском крестьянине, лакее, солдате, горничной как явлениях «психологически уникальных» [2, 9], писатель дает и им возможность «поговорить», раскрывая таким образом мир «других», и это свидетельствует о *многоголосии* или *диалогизме* тургеневской прозы, которая, конечно, отличается от прозы другого выдающегося художника — Ф. М. Достоевского, представившего свои неповторимые стиль, психологизм и полифонизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. / М. М. Бахтин. — М.: Советская Россия, 1979. — 320 с.
2. Беляева И. А. Тургенев о Пушкине: к вопросу о канонизации поэта / И. А. Беляева // Спасский вестник. Вып. 31. — Орел, Спасское Лутовиново: Гос. мемориал. и природ. музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново»,

2025. — С. 5—15.

3. Женетт Ж. Фигуры. В 2 т. Т. 1—2 / Ж. Женетт. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. — 944 с. — Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru-1—2—1998-l.pdf> (дата обращения: 11.07.2025 г.).

4. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — М.: Просвещение, 1972. — 110 с.

5. Литературный энциклопедический словарь / Под общей редакцией В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — 752 с.

6. Лоскутникова М. Б. Дискуссии о диалогических/монологических началах тургеневского романа в отечественном литературоведении XX — начала XXI веков / М. Б. Лоскутникова // Спасский вестник. Вып. 31. — Орел, Спасское-Лутовиново: Гос. мемориал. и природ. музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново», 2025. — С. 28—34.

7. Манн Ю. В. От Пушкина до Чехова: эволюция повествовательных форм / Ю. В. Манн // Манн Ю. В. Тургенев и другие. — М.: РГГУ, 2008. — С. 366—420.

8. Мущенко Е. Г. Поэтика сказа / Е. Г. Мущенко,

В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1978. — 287 с.

9. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. / Е. В. Падучева. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 480 с.

10. Скобелев В. П. Поэтика рассказа / В. П. Скобелев. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. — 156 с.

11. Тургенев И. С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 1. Записки охотника. 1847—1874 / И. С. Тургенев. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 19—29.

12. Чичерин А. В. Тургенев, его стиль / А. В. Чичерин // Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. 2-изд., расшир. — М.: Советский писатель, 1980. — С. 26—51.

13. Шпиляева Г. А. О субъектной сфере тургеневской новеллистики: на материале рассказа И. С. Тургенева «Часы» (1875) / Г. А. Шпиляева, В. А. Бондаренко, У. Ю. Борисова // Вестник ВГУ. — Воронеж, 2024. — № 4. — С. 67—70.

14. Эсалнек А. Я. Основы литературоведения: Анализ романного текста: Учебное пособие / А. Я. Эсалнек. — М.: Флинта, 2004. — 184 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Толчеева Е. А., аспирант кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы
E-mail: tolcheeva.lena@icloud.com

Voronezh State Pedagogical University

Tolcheeva E. A., postgraduate student, Department of Theory, History, and Methods of Teaching Russian Language and Literature
E-mail: tolcheeva.lena@icloud.com